

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ У РУССКИХ, ЧУКЧЕЙ И ЮКАГИРОВ

С. С. Луговской

Настоящая работа посвящена сравнительному историографическому и экспериментальному этнофункциональному исследованию проблемы воспроизводства в этнических группах колымских чукчей, юкагиров и русских старожилов, проживающих в сёлах Колымское и Походск Нижнеколымского улуса Республики Саха-Якутия. Группа чукчей и группа русских старожилов являются демографически стабильными. Этническая же группа юкагиров, напротив, составляет лишь 5,47% населения с. Колымского; это не просто сужающаяся, но исчезающая популяция (хотя, как известно из данных исследователей этносов региона, так было не всегда)¹. Следует отметить, что при этих демографических различиях указанные выше коренные этнические группы живут в однородных условиях, в однородном ландшафте (зона тундры), большая часть из них является оленеводами, охотниками и рыбаками, работающими в местных хозяйствах; так что имеющиеся различия между группами связаны, по-видимому, с этническим фактором. Наша задача состоит в том, чтобы выявить влияние этнокультурно-психологических факторов на процесс биологического воспроизводства населения в этнических группах чукчей, юкагиров и походских русских старожилов.

Этническая группа чукчей

На протяжении своего существования в Нижнеколымском регионе в XVII–XX вв. этническая группа колымских чукчей в целом сохранила свой традиционный хозяйственный уклад — кочевое оленеводство и охоту на морского зверя². В большинстве своём чукчи и сегодня «занимаются традиционными занятиями, береговые чукчи — охотой на морского зверя, тундренные — кочевым оленеводством»³.

У колымских чукчей сохраняются традиции не только в области хозяйственно-культурного типа, но и в отношении к их фольклору. Разумеется, речь здесь идёт не о сравнительном анализе чукотского и юкагирского фольклора (это отдельная и очень большая тема), а о сопоставлении некоторых важнейших характеристик того и другого по данным исследователей.

Как отмечают исследователи чукотского народного творчества (фольклора как такового и декоративно-прикладного искусства на его основе) Л. А. Савельева, И. Л. Карахан, у чукчей «сформировавшееся в первые века нашей эры мировоззрение пронизывало все стороны их жизни материальной и духовной жизни, изобразительное и устное творчество, которые находились в синкретическом единстве»; они ссылаются также на исследователя С. А. Арутюнова, который отмечал, что у этого этноса «естественное соответствие хозяйства и художественной культуры было как нигде прямым и полным»⁴. В начале XIX в. чукчи в массе своей приняли право-

славие (о чём свидетельствуют исследователь Севера Ф. П. Врангель и миссионер А. Аргентов), сохранив традиционную приверженность своему фольклору.

Таким образом, у чукчей в основном сохраняются традиционные для них виды хозяйственной деятельности, а также традиционные для них фольклор и мифология и после принятия христианства.

Этническая группа колымских юкагиров

История этнической группы колымских юкагиров была иной, нежели история их соседей, колымских чукчей. У этого, по определению современных исследователей, «древнейшего этноса Восточной Сибири» «сохранилось предание, что некогда они были многочисленны, как звёзды в Полярную ночь»⁵. К сожалению, сегодня это только предание.

Вместе с тем первоначально ещё в XVII в. низовья Колымы были заселены в первую очередь юкагирами, соседями которых в середине века стали и чукчи. Это же отмечалось и в работах 1980-х гг. (И. А. Николаева и др.), и в современных исследованиях⁶. В конце XVII в. картина несколько меняется. Район заселён уже почти исключительно юкагирами, а чукчи вытеснены на Чукотский полуостров. В те времена, задолго до экспедиции Врангеля и миссии Аргентова, юкагиры были здесь господствующим этносом⁷.

Однако этническая группа колымских юкагиров уже к началу XIX в. утратила свой традиционный хозяйственный уклад (Ф. П. Врангель, А. Аргентов, И. А. Николаева и др.). По словам Ф. П. Врангеля, «в древности кочевали они со своими оленями, но большая часть их от поветрий и других бедствий лишилась своих стад и ныне живёт в бедности, питаясь рыбой по берегам рек»⁸. В результате, по образному выражению священника, миссионера А. Аргентова, «на долю якута, в полосе лесов, достались лошадь и корова, на долю тундренных пастухов достался олень. На долю юкагира и ему подобных достались собака и <...> хозяйство, состоящее в истребительной войне человека против природы»⁹. Данное обстоятельство привело к значительному ослаблению и сокращению численности популяции колымских юкагиров уже в тот период, что констатируют все перечисленные авторы.

Это положение не изменилось и к концу XX в. По словам исследователей юкагирского фольклора в 1980-х гг., «к XVII в. юкагиры считались могущественным и многочисленным народом. К моменту прихода русских их число оценивалось в 4500–5000 человек (в то время они заселяли практически всю Северную Якутию)... Однако к XIX в. их численность и территория сильно сократились из-за потери оленеводства как основы хозяйства»¹⁰. Авторы видят причину в экологически обусловленной миграции оленей; это не противоречит и мнению Врангеля, приведённому выше. В нашу задачу, конечно, не входит подробный анализ всех причин указанного явления, для нас важно его констатировать.

В отличие от чукчей, у юкагиров в значительно меньшей степени сохранилось и фольклорно-мифологическое наследие. Более того, в одном из последних исследований на эту тему констатируется: «... сегодня песенное творчество юкагиров, как и их традиционная культура в целом, находятся в глубоком упадке»¹¹.

В вышеупомянутой работе конца 1980-х гг. о юкагирском фольклоре со ссылкой на исследователя В. И. Иохельсона (1900) отмечается важный факт: «... у юкаги-ров была сильно разрушена оригинальная цельная мифологическая картина мира», отчего в его собрании юкагирского фольклора она отражена довольно слабо¹². При этом авторы «Фольклора юкаги-ров...» ссылаются на русское влияние — распространение православия среди юкаги-ров¹³. Однако распространение православия не послужило причиной подобного разрушения «мифологической картины мира» у соседних северных этносов — чукчей и эвенов.

По словам В. И. Иохельсона, собирателя и исследователя юкагирского фольклора в конце XIX — начале XX вв. (который «жил и кочевал вместе с юкагирами два года»), в фольклоре юкаги-ров, как тундренных, так и верхнеколымских, «отсутствуют космогонические тексты», а мифы о вороне-демиурге, особо важные для чукчей, эскимосов и вообще большинства народов Северной Сибири, «очевидно забыты»¹⁴. Современный исследователь Ю. Б. Симченко зафиксировал ту же ситуацию: по его словам, у юкаги-ров сохранились лишь «слабые отголоски» мифа о вороне-демиурге; у них есть лишь сказание о вороне, «как птице, понимающей людей и проявляющей о них заботу»¹⁵.

Иохельсон даже полагал, исходя из современной ему картины, что «через несколько десятилетий юкагирский язык может исчезнуть, а племя <...> прекратить своё существование, отчасти вымерев, отчасти растворившись в других племенах»¹⁶. К счастью, этот мрачный, хотя не такой уж необоснованный, прогноз не сбылся, однако сегодняшняя реальная ситуация немногим лучше. П. Е. Прокопьева в одной из последних работ на эту тему констатирует, что задача собирателей фольклора юкаги-ров в том, чтобы донести его «в первую очередь до их потомков, с надеждой на духовную память народа, с верой в его этническое возрождение»¹⁷. Если современные юкаги-ры практически не знают собственного фольклора, подобный факт говорит сам за себя. И слова исследовательницы о возрождении не просто декларация. Недаром в 1992 г. был создан Фонд возрождения юкагирского народа. В настоящее время юкаги-ры не только утратили в этом регионе прежнее господствующее положение, но и стали наиболее малочисленной этнической группой.

Таким образом, в отличие от чукчей, юкаги-ры утратили важнейшую часть традиционного хозяйственного уклада — оленеводство (что означало и неизбежное изменение отношения к природе), а характер их фольклора отражает утрату цельной фольклорно-мифологической картины мира (чего не наблюдалось после христианизации их соседей, чукчей и эвенов).

Этническая группа русских походских старожилов

Русские старожилы, жители посёлка Походск, изменили в результате переселения условия жизни, но не радикально. Они в основном были выходцами с русского Севера (Архангельский регион, Ильмень-озеро)¹⁸. Эти предки принадлежали к поморам, группе русского населения, которая, по мнению специалистов, сформировалась в XV–XVII вв. и для которой была характерна «особая система хозяйства, ориентированная в первую очередь на морские рыболовно-зверобойные про-

мысли», поскольку в «экстремальных условиях Заполярья <...> значительная часть северного населения таёжной зоны <...> была занята не земледелием, а различного рода промыслами, либо сочетала подвижную форму земледелия с промыслами и охотой. Но только на морском побережье жители свели до минимума роль земледелия, создав морскую промысловую систему хозяйства». Вследствие тех же экстремальных условий «сюда приходили на поселение люди определённого склада, среди которых выживали, приспособлялись и оставляли потомство далеко не все. В результате в конце XVIII–XIX вв. сложился тот тип отважного промышленника, мореплавателя, первооткрывателя <...> поражавшего своими качествами каждого, кто с ним сталкивался»¹⁹. По сути, к тому же самому типу относились и русские старожилы Колымы, переселенцы из Поморья.

Как и у их соседей, колымских юкагиров, основу хозяйства нижнеколымских русских старожилов составляли охота и рыболовство («рыбаки мы и охотники — тем и живы», по их собственному признанию). Только юкагиры, по свидетельству ряда исследователей, потеряли своих оленей, а русские старожилы просто не обзавелись своими оленьими стадами в сколько-нибудь существенном смысле, предпочитая опираться на то, что им было привычно и на их прежней родине, где рыболовство и охота имели большое значение, а земледелие — лишь незначительное.

Главную причину продовольственных трудностей русской групп, так же как и в случае с юкагирами, исследователи видели в том, что было трудно прокормить большое количество собак (в среднем от 10 до 30 на хозяйство), тем более что нельзя было создавать запасы рыбы: её не солили из-за отсутствия подходящей посуды и крайней дороговизны соли. Это компенсировалось тем, что рыбная ловля велась почти круглый год. Рыба составляла основу питания русских старожилов, что не раз отмечалось исследователями-краеведами²⁰.

Не столь значительно изменив тип хозяйства и соответственно питания, русские старожилы сохранили своё традиционное мировоззрение — русскую православную веру. Этим во многом объясняется удивительная жизненная стойкость походской русской группы. В связи с этим надо отметить такой известный факт, как важная роль деревянного церковного зодчества в жизни русских старожилов Восточной Сибири. По характеристике учёных А. П. Окладникова, В. Гоголева, Е. А. Ощепкова, создавших об этом зодчестве фундаментальный труд на примере Зашиверской Спасской церкви, «в нём обнаруживается преемственность сибирских зодчих со строителями Русского Севера, и наряду с этим Спасская церковь имеет свои специфические особенности, появившиеся в результате разумного учёта природно-климатических условий Заполярья»²¹. Развивая и конкретизируя эту мысль, исследователи приходят к выводу: «... центральное здание бывшего острога — Спасская церковь является родной сестрой искони русских храмов, возводившихся народными мастерами в XVI–XVII вв. и начале XVIII в. по всей территории Русского государства. Идею этих храмов они принесли с собой в Сибирь, донесли её до Лены и Индигирки (и до Колымы. — *С. Л.*). В ней, в Зашиверской Спасской церкви, воплощены глубоко национальные архитектурно-строительные традиции, уходящие к истокам деревянного зодчества Московской Руси. И не слу-

чайно нам вспоминались на широкой поляне, где пышно цветёт летом иван-чай, узорные шатры Василия Блаженного на Красной площади»²².

Донесли идею, значит, донесли мощный творческий образ, помогающий людям, в данном случае русским старожилам, поддерживать и восстанавливать жизненные силы. По словам краеведа А. Чикачева, «Русское устье и Походск — родные братья с едиными корнями и одинаковой судьбой. Чтобы сохранить свой род и православную веру, они издавна обменивались невестами. И, может быть, это чувство общности и культуры <...> способствовало их удивительной национальной устойчивости»²³. В целом, «жители Русского Устья и Походска, живя в окружении местных народностей, отчасти смешиваясь с ними, тем не менее сохранили почти в неприкосновенности родной язык, устное народное творчество и, главное, истинно русское самосознание»²⁴.

В 1990-е гг. в Походске, как и в Нижнеколымском регионе в целом, произошло ухудшение социально-экономической обстановки. Оно коснулось всех этнических групп Нижнеколымского региона, однако это, как мы видели, по-разному сказалось на демографической ситуации в разных этнических группах. Об этой этнической группе есть основания сделать следующие основные выводы: она сохранила большую часть традиционного для неё хозяйственного уклада в новых условиях — охоту и рыболовство; она сохранила русскую православную веру, которая помогала людям выстоять в новых условиях, и сохранила также основы фольклора, что тоже имело положительное значение для этой цели.

Результаты этнофункционального экспериментального исследования

О связи между этнопсихологическими (отношение к собственному ландшафту, типу питания, духовным ценностям) и демографическим (репродуктивная активность) факторам свидетельствуют и результаты этнопсихологического исследования, проведённого в п. Походск и с. Колымском в 1994 г.²⁵, исходя из отношения данных групп к родному ландшафту, культурным и духовным ценностям.

В экспериментально-полевом исследовании в той же этноконтактной зоне Нижнеколымского района обследовано 86 человек — русские старожилы, якуты, эвены, чукчи, юкагиры (возраст 20–60 лет). Из них были отобраны 23 человека, находящиеся в пострепродуктивном возрасте (т. е. старше 39 лет). Для каждого из них регистрировалось количество родившихся детей. Этот контингент разделили на четыре пересекающиеся подгруппы: 1) количество детей — 2 человека; 2) количество детей > 2 человек; 3) количество детей < 1 человека; 4) количество детей > 4 человек. Число детей, рождённых за весь репродуктивный период, рассматривали как показатель биологической адаптации на уровне популяции.

В исследованиях, проводимых в полевых условиях, как для детей, так и для взрослых мы использовали методику структурированного интервью А. В. Сухарева, направленную на выявление содержательной стороны отношений человека к различным группам этнических параметров, а степень эмоциональной выраженности определяли по специальной методике, позволяющей производить количественную оценку. В группе социокультурных параметров изучалось отношение к религии,

мировоззрению, традициям, родному языку; в группе климато-географических — к ландшафту и климату; в группе расово-биологических — к типу питания. Для измерения уровня «плавающей» тревоги как показателя психологической адаптации у взрослых применялась методика М. Люшера. В экспериментально-полевом исследовании, помимо структурированного интервью и методики Люшера, были использованы следующие методики: изучения ландшафтных предпочтений Н. М. Лебедевой; генеалогического описания и определения номинальных долей этнического участия Г. М. Афанасьевой и Ю. Б. Симченко. Эмоциональные характеристики отношений человека к различным группам этнических показателей (параметров), а также уровень (доля) этнического участия мы рассматривали как осознанные или неосознанные компоненты этнической «Я-концепции». Математическую обработку результатов осуществляли по критериям Стьюдента и Пирсона (χ^2). Достоверность результатов обеспечивалась на уровне $p < 0,05$ и $p < 0,01$.

В результате сопоставления выявленных в ходе исследования рассогласований предпочтений климато-географических условий (Л-К), типа питания (П) и мировоззрения (В) с количеством детей, рождённых в течение репродуктивного периода, установлено, что неприятие коренным населением климато-географических условий собственного рождения и проживания связано со снижением у них рождаемости в репродуктивном периоде жизни, т. е. с нарастанием популяционной дезадаптации по показателю биологического воспроизводства²⁶. Эти данные отражают тот факт, что отвержение коренным населением климато-географических условий собственного рождения и проживания связано со снижением у них рождаемости в репродуктивный период жизни, т. е. с нарастанием популяционной дезадаптации по показателю биологического воспроизводства (по количеству детей).

На основе вышеприведённого анализа историографических и этнофункциональных данных можно сделать вывод, что отвержение теми или иными этническими группами климато-географических условий собственного рождения и проживания, утрата ими традиционных видов хозяйственной деятельности, культурных и духовных ценностей оказывают отрицательное влияние на процесс воспроизводства в этих группах, и, напротив, принятие ими этих климато-географических условий, сохранение традиционного хозяйственного уклада, культурных и духовных ценностей оказывают стабилизирующее влияние на процессы воспроизводства в соответствующих этнических группах.

¹ См.: Народы мира: энциклопедия. М.: Олма-Пресс, 2007; *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершённое 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедициями под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля / под общ. ред. контр-адмирала Е. Шведе. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948; *Аргентов А. И.* Нижнеколымский край // Известия Географического общества. СПб., 1879. Т. XV, вып. 6; Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Хрестоматия: в 2 ч. Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 1989.

² См.: Народы мира: энциклопедия. Указ. соч.

³ Там же.

-
- ⁴ Новая жизнь древних легенд / ред. Л. А. Савельева, И. Л. Карахан, Т. Б. (Митленина). Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1987. С. 160.
- ⁵ Народы мира: энциклопедия. С. 617–618.
- ⁶ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Восточной Сибири. М.: Наука, 1966. С. 267–269; Фольклор юкагиров Верхней Колымы. С. 5
- ⁷ Народы мира: энциклопедия. С. 594.
- ⁸ Врангель Ф. П. Указ. соч. С. 212.
- ⁹ Аргентов А. И. Нижнеколымский край. С. 18–19.
- ¹⁰ Фольклор юкагиров Нижней Колымы. Указ. соч.
- ¹¹ Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. С. 102 .
- ¹² Фольклор юкагиров Нижней Колымы. Указ. соч.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. И. Иохельсоном. СПб.: Изд-во Императ. Акад. наук, 1900. Ч. 1: Образцы народной словесности юкагиров. С. XIII–XV.
- ¹⁵ Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. С. 239, 276.
- ¹⁶ См.: Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора... Указ. соч.
- ¹⁷ Прокопьева П. Е. Указ. соч.
- ¹⁸ Русское Устье и Походск — старинные русские заполярные сёла. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. С. 6.
- ¹⁹ Бернштам Т. А. Поморы. Л.: Наука, 1979.
- ²⁰ См.: Чикачев А. Г. Походск. Иркутск: Папирус, 1993. С. 29.
- ²¹ Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков К. А. Древний Зашиверск. М.: Наука, 1977. С. 120.
- ²² Там же. С. 207.
- ²³ Русское Устье и Походск — старинные русские заполярные сёла. С. 4.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Этнофункциональный подход к психологическим показателям адаптации человека / Сухарев А. В., Степанов И. Л., Струкова А. Н, Луговской С. С., Халдеева Н. И. // Психологический журнал. 1997. Т. 86, № 6. С. 64–72.
- ²⁶ Там же.